

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ



Годъ XXI.

— № 5 —

29 Января 1906 г.

Въ годъ 52 №№ журнала „РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ“, 12 книгъ и особая приложенія.

Годовая цена на годъ безъ доставки въ Петербургъ 5 р.,
въ дерев. и перес. по всей Россіи 6 р.,
на почтово 3 р., на мѣсяцъ 50 к.
Закрытыя г-р. Отдѣльн. №№ 10 к.
Степень для напечатанія въ
журналъ принимаются съ платою
въ 40 коп. за мѣсто, занимаемое одною
статьею, а ширина страницъ

Подписка принимается въ главной конторѣ „Русскаго Паломника“ —
С.-Петербургъ, Стрѣмяная, № 12, собств. домъ. Городскіе обращаются
въ отдѣльные конторы: Невскій просп., д. № 96, уголъ Надеждинской.

Каждый новый подписчикъ получаетъ въ уже вышедшіе въ 1906 году
номера журнала со всеми приложеніями.

За перемѣну адреса городского на иногородній, или иногородняго на
городской, взимается 50 коп. — городского на городской или иногородняго
на иногородній — 20 к. Необходимо прилагать прежній печатный адресъ.

„Русскій Паломникъ“ одобренъ всеми вѣд-ствами.



Св. мученикъ Іоаннъ Казанскій.

(Память 24 января.—Къ статьѣ „Несокрушимая вѣра“).

Нынѣ отпушаеши *).



О ВРЕМЕНА ветхозавѣтныя всѣ перворожденныя дѣти мужескаго пола, по заповѣди Божіей, должны были посвящаться на служеніе Богу. Эта заповѣдь Божія дана была по случаю чудеснаго избавленія отъ смерти первенцевъ еврейскихъ въ Египтѣ.

Избранный народъ Божій, изнемогая подъ египетскимъ игомъ, въ молитвенномъ воплѣ взывалъ къ Богу отцовъ своихъ о своемъ освобожденіи. Господь, услышавъ этотъ вопль, внушилъ Моисею требовать отъ фараона освобожденія народа еврейскаго. Но когда ни краткія убѣжденія его, ни видимое предстательство Божіе за евреевъ не тронули сердца фараона, тогда Всемогущій Господь поразилъ смертью всѣхъ первенцевъ египетскихъ, пощадивъ при этомъ всѣхъ первенцевъ еврейскихъ (Исх. 13, 12—16). Въ благодарность Богу за спасеніе своихъ первенцевъ евреи и должны были отдавать ихъ Богу на служеніе при скннѣ (Исх. 13, 2).

Впослѣдствіи вмѣсто первенцевъ Господь избралъ Себѣ одно колѣно Левіино, которое и служило Ему при скннѣ, а затѣмъ и храмѣ. А перворожденные младенцы мужескаго пола въ сороковой день обыкновенно приносились въ храмъ Иерусалимскій. Здѣсь они выкупались всѣ, кромѣ младенцевъ изъ колѣна Левіина, отъ служенія Богу особою платою, которая состояла изъ пяти сиклей серебра (на наши деньги 4 р. 50 к.) и поступала на содержаніе служащихъ при храмѣ. Выкупъ производился и за младенцевъ женскаго пола и равнялся 3 сиклямъ еврейскимъ (на наши деньги 2 р. 70 к.).

Кромѣ положенной платы за младенца, въ сороковой день по рожденіи мать его должна была и за себя приносить въ храмъ очистительную жертву. Богатыя матери обыкновенно приносили въ жертву Богу годового ягненка, а бѣдныя—пару голубицъ или двухъ птенцевъ голубиныхъ (Лев. 12, 6—8). Эта очистительная жертва исходила изъ того, что, по закону еврейскому, женщина, послѣ рожденія младенца, считалась нечистою въ продолженіе сорока дней. По истеченіи этого срока она являлась въ храмъ и приносила очистительную жертву.

На основаніи этихъ законовъ Пресвятая Богородица вмѣстѣ съ обручникомъ своимъ Іосифомъ въ сороковой день приносила во храмъ своего Первенца, чтобы представить Его предъ Господомъ и принести за Него положенный выкупъ, а за себя—жертву Богу.

Такая причина и цѣль закона о первенцахъ явно нисколько не касалась Великаго Первенца Маріи. Какъ Сынъ Божій, Онъ свободенъ былъ отъ законовъ человеческихъ. Но, какъ пришедшій на землю не нарушить законъ, а исполнить, Онъ и исполняетъ его со всею точностію. Хотя Пресвятая Дѣва, родивши

Христа наптіемъ Св. Духа безъ всякой болѣзни, не только не пмѣла обыкновенной рождающимъ женщицамъ нечистоты, но еще болѣе очистилась, родивши воплотившагося отъ Нея Сына Божія, однако, чтобы явиться точною исполнительницею закона, пришла очиститься, принесла жертву.

Жертва Маріи была не такова, какую приносили люди богатые. Жертва Маріи была жертвою убогихъ и состояла изъ двухъ птенцовъ.

Повидимому, все было обыкновенно, и ничто не отличало святого семейства отъ другихъ бѣдныхъ семействъ, пришедшихъ въ Иерусалимъ для исполненія того же долга. Но не такъ совершилось на самомъ дѣлѣ. Какъ въ Вплеемѣ пастухи и восточные волхвы, наставленные чудеснымъ образомъ, явились проповѣдниками славы дивнаго рождества едиnorodнаго Сына Божія, такъ и въ Иерусалимѣ Богъ приготовилъ проповѣдниковъ великаго таинства. Праведный Симеонъ и пророчица Анна возвѣщаютъ о тайнѣ, проповѣдуютъ наступленіе спасенія, и прославляютъ Иисуса, Спасителя міра.

Евангеліе не указываетъ, къ какому званію принадлежать Симеонъ; но, основываясь на томъ, что онъ принялъ въ храмъ младенца Иисуса на свои руки и при этомъ восхвалялъ Бога и благословилъ Марію и Іосифа (Лук. 2, 28—34), можно полагать, что онъ былъ одинъ изъ священниковъ Иерусалимскаго храма. Въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ онъ называется „священнодѣтелемъ“, „священникомъ“, даже „святителемъ“, „принесшимъ законныя жертвы“ и „очищавшимъ кровными жертвами люди израилевы“. Старець Симеонъ былъ человѣкъ праведный, благочестивый, исполненный даромъ Св. Духа, глубоко понимавшій Св. Писаніе и всѣмъ сердцемъ ожидавшій обѣщаннаго Избавителя міра. Въ награду за это ожиданіе и святую благочестивую жизнь Симеону было обѣщано Духомъ Святымъ, что онъ не увидитъ смерти до тѣхъ поръ, пока не увидитъ Христа Господня.

Древнее церковное преданіе свидѣтельствуетъ, что Симеонъ получилъ это обѣщаніе за 270 лѣтъ до Рождества Христова при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Египетскій царь Птоломей Филадельфъ, по совѣту знаменитаго Димитрія Фалерскаго, своего бібліотекаря, пожелалъ собрать въ свою бібліотеку (Александрійскую) священныя книги всѣхъ народовъ, а слѣдовательно, и еврейскія, но только переведенныя съ еврейскаго на греческій языкъ. Еврейскій первосвященникъ, исполняя доброе желаніе царя, отправилъ ему всѣ книги на своемъ родномъ языкѣ, а для перевода ихъ на греческій языкъ послалъ туда же семьдесятъ двухъ переводчиковъ или толковниковъ (по шести человѣкъ изъ каждаго колѣна). Въ числѣ этихъ семидесяти переводчиковъ свящ. Писанія Ветхаго Завѣта съ еврейскаго языка на греческій и былъ праведный Симеонъ.

Ему пришлось, между прочимъ, переводить книгу Исаіи. Переводя эту книгу, онъ обратилъ вниманіе на то мѣсто въ ней, гдѣ сказано: „Се Дѣва во чревѣ при-

* По книгѣ свящ. Іоанна Туркина: „Срътеніе Господне“.

меть и родить Сына“ (Исаи 17, 14). Считал слово „Дѣва“ ошибочнымъ, могущимъ ввести въ заблужденіе, онъ хотѣлъ выскоблить слово „Дѣва“ и написать слова „замужняя жена“. Но вдругъ предъ нимъ предсталъ ангелъ Господень и, удержавъ его руку, сказалъ: „Вѣрь написанному, ты самъ увидишь исполненіе этихъ словъ и не умрешь, пока не узришь Христа Господа, рожденнаго отъ чистой Дѣвы!“ Симеонъ увѣровалъ словамъ ангела и пророка и, предавшись весь дѣламъ благочестія, сталъ съ радостнымъ нетерпѣніемъ ожидать пришествія въ міръ Христа Спасителя.

Когда Иисусъ былъ принесенъ въ 40-й день Св. Дѣвою во храмъ, Симеонъ, будучи уже тогда 360 лѣтъ, какъ говоритъ преданіе, пришелъ во храмъ по внушенію Св. Духа. Духъ Святой открываетъ ему въ Младенцѣ обѣтованнаго Мессію, и святой, убѣленный сѣдинами старецъ, подобно лебедю, поющему свою послѣднюю пѣснь, объятый священнымъ восторгомъ, произноситъ свой чудный предсмертный гимнъ.

„Нынѣ отпускаешь раба Твоего, Владыко,—восклицаетъ онъ,—по слову Твоему, съ миромъ; ибо видѣли очи мои Спасеніе Твое, которое Ты уготовилъ предъ лицомъ всѣхъ народовъ, свѣтъ въ просвѣщеніе язычниковъ и славу народа Твоего, Израиля“ (Лук. 2, 24—32).

Долго я ждалъ Тебя,—какъ бы такъ говорилъ старецъ,—желая зрѣть Твое пришествіе, и вотъ наступилъ тотъ блаженный часъ, о которомъ Ты предсказалъ мнѣ, Владыка жизни и смерти! Теперь нѣтъ уже болѣе причинъ держать меня на землѣ; равно какъ и для меня нѣтъ уже отнынь болѣе цѣлей жизни, ибо главнѣйшая мною уже достигнута: я увидѣлъ Тебя, и теперь могу успокоиться! Обрадованный, иду я благодарствовать радость праотцамъ и отцамъ моимъ. Я видѣлъ Того, Кого такъ пламенно желали видѣть патриархи и цари наши. Не блаженнѣе ли я всѣхъ ихъ? Не блаженнѣе ли я и самого отца вѣрующихъ, Авраама, который здѣсь же, на горѣ Моріа, видѣлъ только образъ Христа Твоего (Быт. 22, 9)? Не блаженнѣе ли великаго законодателя Моисея, который съ горы Нававъ видѣлъ лишь страну (Втор. 34, 1), гдѣ надлежало явиться Тебѣ? Опusti же, Владыко, раба Твоего, по глаголу Твоему, съ миромъ!

Какія чистыя и возвышенныя мысли о Спасителѣ высказываетъ праведный Симеонъ! Онъ видитъ въ Младенцѣ Спасителя людей не отъ вѣшняго рабства, но отъ рабства діаволу—отъ грѣховъ ихъ. Онъ видитъ спасеніе для всего міра; оно не ограничится одними евреями, оно уготовано для всѣхъ людей. Предвидитъ онъ и тѣ блага, которыя Мессія даруетъ людямъ. Онъ освобождаетъ ихъ отъ заблужденія, суевѣрій и страстей и просвѣтитъ свѣтомъ истиннаго Богопочтенія. Видитъ въ немъ и славу народа Израильскаго, такъ какъ Спаситель міра среди этого народа жилъ, училъ, творилъ чудеса и изъ него же избралъ апостоловъ—просвѣтителей вселенной.

„Люю Богу моему“.



В Тебѣ возношусь я немолчной хвалой,
Источникъ добра и Зиждитель вселенной,
За то, что мой разумъ съ душою нетлѣнной
Направлялъ Ты ратовать съ силою злой!..
За то, что всѣхъ дѣлъ моихъ—Ты лишь основа,
За счастье сознанья, что людямъ несусь
Я новое слово, великое слово,
И міръ обветшалый отъ смерти спасу!..
За то, что сіяньемъ немеркнущимъ свѣтитъ
Звѣзда моеи мысли; хоть можетъ быть, міръ
Разлюбилъ не скоро свой мрачный кумирь—
Маякъ лучезарный не скоро замѣтитъ!..
И, можетъ быть, много нести суждено
Въ грядущемъ тому роковыхъ испытаній,
Въ чьемъ сердцѣ благихъ и высокихъ мечтаній,
Но воля Господней, я сѣю зерно! **Викторъ Мюръ.**

Св. Анна пророчица.

(3 февраля).



ВЪРТЬЯГО февраля православная церковь Христова празднуетъ память св. Анны пророчицы, которая вмѣстѣ съ праведнымъ старцемъ Симеономъ (Лук. II. 22—35) удостоилась высокаго преимущества срѣтить Богомладенца Иисуса во храмѣ Иерусалискомъ, куда Его въ сороковой день по рожденіи пресв. Дѣва Марія принесла для того, „чтобы совершить надъ Нимъ законный обрядъ“ посвященія Господу (Исх. XIII. 2). Дочь Фануила,—вѣроятно, лица незначительнаго,—изъ колѣна Асирова, Анна, безъ сомнѣнія, не благородствомъ происхожденія, не высокостью сана и не блестящими талантами заслужила это преимущество. Лишь за высокія добродѣтели эта жена Божиимъ провидѣніемъ избрана была изъ среды всѣхъ дочерей Израиля въ свидѣтельницы перваго явленія Иисуса Христа во храмѣ. Евангелистъ Лука въ краткомъ своемъ повѣствованіи объ Аннѣ пророчицѣ (Лук. 36—38) восхваляетъ въ ней многое, что вполне достойно вниманія и подражанія христіанина.

Подобно Симеону Богопріимцу, она была праведна и благочестива, при чемъ отличалась не только набожностью, наружнымъ исполненіемъ обрядовыхъ законовъ Моисеевыхъ, но вообще была высоконравственною личностью, глубоко проникнутой духомъ вѣры и любви, что очищало, просвѣтляло и возвышало ея душу до высоты пророческой. Называя Анну „пророчицей“, евангелистъ даетъ намъ разумѣть, что она за свою святую жизнь исполнена была высшихъ даровъ духовныхъ,—имѣла даръ предвѣдѣнія. По замѣчанію св. Луки, Анна въ замужествѣ жила всего только семь лѣтъ и по вдовствѣ рѣшилась посвятить себя на всецѣлое служеніе Богу, поступивши въ число тѣхъ, посвятившихъ себя на служеніе Господу, дѣвъ и вдовъ, которыя жили при храмѣ Иерусалискомъ, въ окружавшихъ его зданіяхъ, и проводили время въ молитвѣ и трудахъ для храма, свойственныхъ ихъ полу. Во все время остальной своей

жизни до глубокой 84-лѣтней старости праведная Анна, по взглядамъ свят. Златоуста и Амвросія, представляла собой образецъ истинной вдовицы, какъ ее изображаетъ ап. Павелъ въ словахъ: „Истинная вдовица и одинокая надѣется на Бога и пребываетъ въ молеліяхъ и молитвахъ день и ночь“ (1 Тим. V. 5). Такъ и вдовица Анна служила Богу постомъ и молитвами день и ночь, въ тиши домашняго уединенія каждый день и ночь освящала подвигами самоумерщвленія и дѣлами благочестія, всегда питая въ себѣ духъ молитвы и духъ покаянія. Этимъ высокимъ состояніемъ праведница подаетъ христіанамъ благой примѣръ служить Богу, какъ можно чаще, умъ и сердце возносятся въ молитвѣ къ Господу и смирать свою плоть постомъ, а духъ покаяніемъ.

Ев. Лука представляетъ праведную Анну намъ въ образецъ и въ томъ отношеніи, что она не отходила отъ храма, не опускала ни одного богослуженія въ немъ. Посѣщеніе св. храма есть одна изъ важнѣйшихъ обязанностей христіанина. Хотя Богу, какъ Духу вездѣ-сущему, мы можемъ поклоняться на всякомъ мѣстѣ, можемъ вездѣ прославлять и призывать Его, но Ему угоднѣе тѣ молитвы, которыя возносятся во храмѣ, какъ такомъ мѣстѣ, которое Онъ самъ назначилъ для молитвъ. Можно молиться и дома — говорить св. Златоустъ (слово 3 о Непостижимомъ), — но нельзя молиться такъ, какъ во храмѣ, гдѣ толпкой сонмъ отцовъ, гдѣ единодушно пѣнь возсылается Богу. Не столько будешь ты услышанъ, молясь Господу у себя, сколько, молясь съ своими братьями. Ибо здѣсь нѣчто больше: здѣсь единодушіе, согласіе, союзъ любви и молитвы священниковъ. Во храмѣ, этомъ святомъ мѣстѣ, все направлено къ тому, чтобы содѣлать молитвы наши пламеннѣе и дѣйствителнѣе; все, что въ немъ окружаетъ насъ, напоминаетъ или о благодѣяніяхъ Божіихъ, или о нашихъ обязанностяхъ“.

Праведная Анна своему постоянному пребыванію во храмѣ обязана тѣмъ блаженствомъ, которымъ наслаждалась она, увидѣвъ въ лицѣ Иисуса того Мессію, который составлялъ собою предметъ и предсказаній св. пророковъ, и воздыханій востхо-завѣтныхъ праведниковъ, и чаяній всѣхъ сыновъ Израіля въ теченіе многихъ вѣковъ. Если бы Анна, вопреки своему обыкновенію, не пришла во храмъ въ день посвященія Богу младенца Иисуса, она лишилась бы величайшаго счастья лицезрѣть Мессію. Этотъ примѣръ праведной Анны не научаетъ ли христіанъ чаще посѣщать храмъ Божій, для того, чтобы имъ не лишиться особенныхъ милостей Божіихъ и благодатныхъ даровъ, здѣсь предназначенныхъ по милосердію Господа? Услышавши въ храмѣ наставленія, предохраняющія насъ отъ ошибокъ и заблужденій, и подъ влияніемъ увѣщаній, смягчающихъ сердце наше, возбуждени въ себѣ ослабѣвшее благочестіе и жажду спасенія, не можемъ ли и мы преимущественно во храмѣ привлечь къ себѣ помощь небесную, особенное милосердіе Божіе?!

Среди великихъ подвиговъ благочестія праведная Анна достигла 84 лѣтъ, когда испытала величайшее счастье. Тотъ же Св. Духъ, который привелъ благочестиваго старца Симеона во храмъ, и старецъ указалъ въ младенцѣ Иисусѣ Мессію — Избавителя народа. Приблизившись къ Симеону, воззрѣла она на Младенца, который былъ на рукахъ старца, и, исполнившись великой духовной радости, — подобно маститому Симеону, славословившему Бога и пророчествовавшему о Богомладенцѣ и Его Матери (Лук. II. 29—35), — излила свою душу въ возвышенныхъ хваленіяхъ къ Богу, который, наконецъ, исполнилъ Свои обѣтованія и пророчества, и затѣмъ съ неземнымъ восторгомъ возвѣщала о Богомладенцѣ Мессіи всѣмъ ожидавшимъ Его пришествія и избавленія въ Иерусалимѣ. Такъ Анна праведная, вмѣстѣ съ Симеономъ Богопримцемъ, явилась проповѣдницею великой тайны — пришествія Мессіи Избавителя и открывшагося въ Немъ спасенія.

Высокое ея повѣданіе, безъ сомнѣнія, не могло не проникнуть въ душу истинныхъ израильтянъ и произвело тогда же сильное впечатлѣніе во всемъ Иерусалимѣ. Но, судя по поразительному невѣрію въ богопосланнаго Мессію Иисуса современныхъ Ему іудеевъ, пророческія вѣщанія Анны, какъ и Симеона, въ послѣдующія времена среди мірскихъ заботъ и удовольствій не могли не изгладиться изъ умовъ и сердецъ израильтянъ.

Б.

Христіанка.

(Изъ жизни св. Фивіи Перпетуи. — Память 1 февраля).



ИСТОРИЯ христіанскихъ мучениковъ часто раскрываетъ предъ нами такія глубокія и сильныя драмы, какихъ мы не встрѣтимъ ни въ одной литературѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно намъ познакомиться съ жизнью и страданіями св. Перпетуи.

Трудно представить себѣ болѣе прекрасный и трогательный обликъ. Фивія Перпетуя была единственной дочерью знатныхъ и богатыхъ родителей, которые окружали ее самыми пѣжными заботами и роскошью и дали ей блестящее образованіе. Въ моментъ арестованія, въ Тибурѣ, вблизи Каррагена, въ царствованіе Септимія Севера, она была замужней 22-лѣтней женщиной и кормила грудью горячо любимаго первенца сына.

Исторія не говоритъ намъ ничего о ея мужѣ. Предполагаютъ, что его не было въ живыхъ, что онъ также пострадалъ за вѣру.

Сколько нравственныхъ страданій пережила мученица во время своего ареста, будучи отправлена въ Каррагенъ для публичной казни, которая составляла потѣху жестокихъ и кровожадныхъ ея современниковъ! Безумное отчаяніе отца, нѣжная любовь къ ребенку, котораго она должна была оставить навѣки; тяжелая

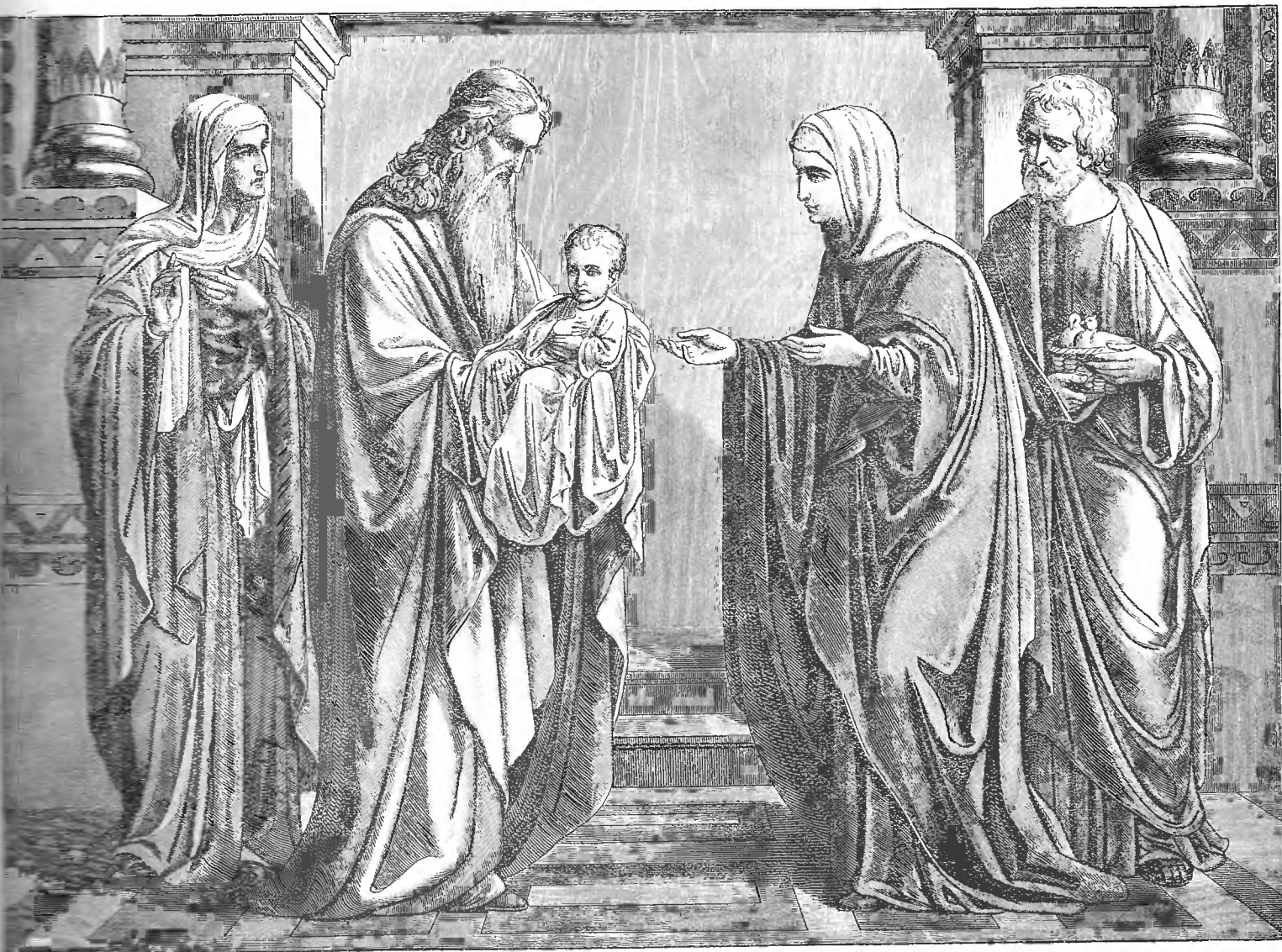
борьбу друзей и семьи,—что предъ этимъ пытки и мученія тѣла! Ея вѣра была подвергнута такимъ тяжкимъ испытаніямъ, какія только можетъ себѣ представить человѣческое сердце, и мы съ изумленіемъ и благоговѣніемъ останавливаемся предъ непостижимымъ величіемъ души, восторжествовавшей надъ этими испытаніями.

Вмѣстѣ съ Фивіей Перпетуей была арестована Февоката, замужняя и беременная раба-христіанка, и Ревокатъ, Сатурнилъ, Секундъ и Сатиръ.

При этихъ словахъ отецъ мой съ яростью бросился ко мнѣ, желая вырвать мнѣ глаза, но ограничился бранью и удалился побѣжденнымъ.

Нѣсколько дней я не видѣла его и благодарила Господа за эту милость: отсутствіе отца вернуло мнѣ спокойствіе душѣ. Въ этотъ же короткій промежутокъ времени мы были крещены *). Выходя изъ воды, я молилась объ одномъ—о ниспосланіи мнѣ терпѣнія въ тѣлесныхъ страданіяхъ.

Черезъ нѣсколько дней насъ бросили въ темницу.



СРЪТЕНІЕ ГОСПОДНЕ. — КЪ 2 ФЕВРАЛЯ.

Съ неподражаемой простотой и трогательной безыскусственностью описала святая Перпетуя дни своего горькаго заключенія...

— Когда мы,—пишетъ св. мученица,—были еще съ нашими преслѣдователями и отецъ мой убѣждалъ меня отречься изъ любви къ нему, я сказала:

— Отецъ мой! Видишь ли ты этотъ сосудъ, стоящій на землѣ? Можно ли дать ему другое названіе?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ.

— Такъ же и я не могу назвать себя иначе, какъ христіанкой.

Я была очень испугана, потому что никогда не жила въ подобной темнотѣ. Ужасный день! Духота была невыносима, вслѣдствіе множества народа; насъ толкали солдаты; наконецъ, я умирала отъ безпокойства за своего ребенка. Тогда блаженные діаконы Терцій и Помпоній, которые сопровождали насъ въ темницу, цѣною золота добились для насъ разрѣшенія перейти въ болѣе удобное мѣсто, чѣмъ эта тюрьма. Мы воспользовались этимъ позволеніемъ. Я накормила свое дитя и поручила его попеченіямъ своей матери. Я

*) Св. Перпетуя и Ревокатъ въ моментъ ареста только готовились къ принятію св. Крещенія.

утѣшала и укрѣпляла своего брата, сама задыхаясь отъ горя при видѣ ихъ отчаянія. Въ такой тоскѣ я провела нѣсколько дней; но когда я добилаь разрѣшенія имѣть при себѣ своего сына, я почувствовала себя утѣшенной, и темница стала казаться мнѣ дворцомъ, такъ что мнѣ здѣсь пріятнѣе было находиться, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Я просила Бога открыть мнѣ въ видѣніи, что насъ ожидаетъ, и вотъ что ему благоугодно было мнѣ показать...

Я увидѣла во снѣ золотую лѣстницу огромной вышины, которая восходила отъ земли на небо, но до того узкую, что по ней могъ подыматься только одинъ человекъ. Обѣ стороны ея были утыканы мечами, копьями, стрѣлами и серпами, такъ что надо было подыматься съ большой предусмотрительностью и все время смотря вверхъ, иначе можно было неминуемо погибнуть. У подножія лѣстницы лежалъ ужасный драконъ, готовый броситься на каждаго, кто бы вздумалъ подыматься.

Однако, Сатиръ рѣшился на это. Его не было съ нами, когда насъ арестовали, но онъ добровольно отдался въ руки мучителей, желая раздѣлить съ нами нашу участь. Онъ первый поднялся. Дойдя благополучно до вершины лѣстницы, онъ обернулся ко мнѣ и сказалъ:

— Перпетуя, я жду тебя; но остерегайся дракона!

— Онъ не сдѣлаетъ мнѣ никакого зла, — отвѣчала я, — и я хочу подняться во имя Иисуса Христа.

Тогда драконъ, какъ бы боясь меня, кротко отвернулъ голову. Я поставила на него свою ногу, и онъ послужилъ мнѣ первой ступенью. Когда я поднялась, передо мною открылся огромный садъ, посреди котораго я увидѣла высокаго и почтеннаго мужа. На немъ была одежда пастуха; волосы его были бѣлы, какъ снѣгъ; онъ доилъ своихъ овецъ, окруженный множествомъ лицъ въ бѣлыхъ одѣянiяхъ.

Едва онъ меня замѣтилъ, какъ тотчасъ же назвалъ по имени:

— Дочь моя, — прибавилъ онъ, — будь желанной гостьей.

Онъ подаль мнѣ очень вкусную пищу изъ этого молока, которую я приняла, соединивъ руки, какъ при причастіи. Всѣ присутствовавшіе сказали: „Аминь!“ Этотъ шумъ пробудилъ меня, но я еще ощущала во рту очень пріятный вкусъ. Я рассказала объ этомъ видѣніи своему брату, и онъ, такъ же, какъ и я, заключилъ, что я претерплю мученичество вмѣстѣ со своими товарищами по темницѣ. Съ этой минуты мы совершенно отрѣшились отъ земли, чтобы достойно приготовиться къ небесной жизни.

Черезъ нѣсколько дней распространился слухъ, что насъ будутъ допрашивать, и я увидѣла въ темницѣ своего отца. Онъ изнемогалъ отъ тяжелаго горя.

— Дочь моя, — говорилъ онъ, — сжался надъ моими сѣдинами, сжался надъ своимъ отцомъ, если я еще достоинъ называться этимъ именемъ. Если ты не за-

была еще, какія заботы я посвящала твоему воспитанію, если правда, что я всегда любилъ тебя больше всѣхъ другихъ дѣтей своихъ, то не покрывай мою старую голову позоромъ. Подумай о своихъ братьяхъ, подумай о матери твоего супруга, о своей собственной матери; вспомни о своемъ ребенкѣ, который не можетъ жить безъ тебя! Оставь свою гордость, переломай себя и не покрывай насъ несмываемымъ безчестьемъ. Что будетъ съ нами, если ты окончишь свои дни на мѣстѣ публичной казни? Дочь моя, спаси себя, чтобы не погубить насъ всѣхъ!

Говоря такимъ образомъ, онъ цѣловалъ мои руки, обливая ихъ слезами, и въ порывѣ невыразимой нѣжности бросался къ моимъ ногамъ и называлъ меня не дочерью, а „госпожей“. Его мольбы и жалобы раздирали мнѣ сердце, особенно когда я поняла, что онъ одинъ изъ всей моей семьи не пойметъ счастья мученическаго подвига. Я старалась его утѣшить.

— Отецъ мой, — сказала я, — съ нами случится то, что Богу будетъ угодно, потому что мы принадлежимъ не себѣ, но находимся въ волѣ Божіей.

Онъ ушелъ отъ меня въ неопишемомъ горѣ.

На слѣдующій день, когда мы обѣдали, за нами явились, чтобы вести насъ на допросъ. Мы нашли всю площадь покрытою народомъ. Насъ привели куда-то въ родѣ театра, гдѣ было возведено возвышеніе для проконсула. Мои спутники, спрошенные первыми, всенародно исповѣдали свою вѣру. Наступила моя очередь. Въ то время, какъ я приготовлялась къ отвѣту, мой отецъ явился съ ребенкомъ, котораго несъ за нимъ одинъ изъ рабовъ. Онъ взялъ меня за руку и, стояя со мною немного въ сторону отъ мѣста судилища, возобновилъ свои пламенные мольбы. Къ нему присоединился и проконсулъ.

— Какъ! — говорилъ правитель, — ни сѣдые волосы твоего отца, котораго ты хочешь сдѣлать несчастнѣйшимъ изъ людей, ни видъ твоего невиннаго ребенка, котораго ты хочешь сдѣлать спротою, не трогаютъ твоего жестокаго сердца? Принеси жертву за благоденствіе императора.

— Я не принесу никакой жертвы.

— Ты христіанка?

— Да, я христіанка.

Такъ какъ мой отецъ все время дѣлалъ попытки увести меня изъ суда, то проконсулъ отдалъ приказъ удалить его. Я видѣла, что отецъ сопротивлялся, и одинъ изъ ликторовъ ударилъ его жезломъ. Этотъ ударъ отозвался въ моей душѣ. Я глубоко страдала, видя, какое недостойное оскорбленіе онъ перенесъ изъ-за меня, и сожалѣла о его злосчастной старости.

Проконсулъ провозгласилъ нашъ приговоръ: всѣ мы обрекались на съѣденіе звѣрямъ. Мы въ радостномъ возбужденіи вышли изъ суда и направилсь въ темницу. Отсюда я послала діакона Помпонія за ребенкомъ къ отцу, но отецъ отказался возвратитъ его мнѣ. И тутъ явно сказалась милость Провидѣнія ко мнѣ: я не

чувствовала никакого страданія, переставъ кормить раба внезапно, а сынъ мой легко отвыкъ отъ материнской груди. Эта мысль возвратила мнѣ силу духа.

Однажды, когда мы молились, внезапно сорвалось съ моихъ устъ имя моего брата. Это было въ первый разъ со времени его смерти. Я была этимъ поражена, какъ необыкновенной вещью. Я заплакала при воспоминаніи о его печальной судьбѣ, похитившей его у насъ, и почувствовала, что почерпнула новыя силы въ молитвѣ за него. Я вознесла къ Богу свои сокрушительныя слезы, моля Его о милосердіи. На слѣдующую ночь я увидѣла во снѣ Динократа, будто я звала его, выходящаго изъ темнаго мѣста. Онъ былъ покрытъ потомъ. Его сухія губы и открытый ротъ доказывали, что онъ страдалъ отъ сожигающей его жажды. Лицо его было блѣдно и покрыто грязною пылью. На щекѣ его зияла ужасная язва—злокачественный ракъ, похитившій его у насъ.

Я горячо молилась за блѣдное дитя, но насъ раздѣляло огромное разстояніе, и я не могла къ нему подойти. Онъ все время кружился около огромнаго бассейна съ водой, высокіе края котораго мѣшали ему утолить пламенную жажду. Я видѣла, что онъ дѣлалъ много тщетныхъ усилій достать немного воды, и это причиняло мнѣ великую скорбь. Я не переставно день и ночи молилась за блѣднаго брата своего, присоединяя къ молитвѣ слезы и воздыханія. Въ это время насъ перевели въ полевую темницу. На стѣнахъ полъ въ день рожденія цезаря должны были представлять аграрна, въ которыхъ предстояло принять участіе и намъ. Здѣсь я имѣла другое видѣніе.

Темное мѣсто, изъ котораго я видѣла выходящимъ Динократа, казалось мнѣ ярко освѣщеннымъ. Динократъ предсталъ мнѣ въ бѣломъ одѣяніи; отъ лица его исходило лучистое сіяніе, а мѣсто отвратительной язвы имѣло легкій шрамъ. Края бассейна опустившись ему на колѣна, и онъ пилъ воду съ величайшимъ наслажденіемъ. Напившись воды, онъ весело побѣжалъ въ садъ, какъ это дѣлаютъ дѣти. По пробужденіи я увидѣла, что Господь даровалъ моему брату прощеніе.

Тѣмъ временемъ центуріонъ, надзиравшій за нами въ темницѣ, свидѣтель милостей, которыми осыпало насъ небо, проникся къ намъ глубокимъ сочувствіемъ и разрешилъ нашимъ друзьямъ свободно навѣщать насъ. Вскорѣ я снова увидѣла своего отца. Горе сломало его совершенно. Онъ вырывалъ себѣ ключьями бороду, падая ницъ на землю, не желая глядѣть на небо. Онъ рыдалъ, какъ дитя, и испускалъ дикіе, протравившіе вопли, проклиная день, когда увидѣлъ сына. Онъ упрекалъ небо, давшее ему дожить до такой несчастной старости. Его скорбь и отчаяніе разрывали душу и исторгали слезы сочувствія у всѣхъ присутствующихъ и видѣвшихъ его.

Наканунѣ зрѣлищъ Господь послалъ мнѣ послѣднее видѣніе. Мнѣ казалось, что діаконъ Помпоній пошелъ въ дѣрзая темницы и сильно стучалъ, а я

побѣжала отворить ему дверь. Богатая ткань его бѣлаго одѣянія была украшена золотымъ шитьемъ. Онъ далъ мнѣ свою руку, и мы оба пошли по узкой и неровной дорогѣ. Послѣ нѣсколькихъ поворотовъ мы прибыли, почти изнемогая и задыхаясь, въ амфитеатръ. Доведя меня до середины, Помпоній сказалъ: „Не бойся, я вскорѣ приду сражаться вмѣстѣ съ тобою“.

Съ этими словами онъ удалился, оставивъ меня одну. Зная, что мы осуждены на сѣденіе звѣрямъ, я не понимала, отчего такъ медлятъ выпустить ихъ на меня. Вдругъ предо мною явился египтянинъ паразитическаго безобразія. Онъ приблизился ко мнѣ съ другими, еще безобразнѣе его, и началъ сраженіе. Въ то же время отрядъ прекрасныхъ юношей всталъ на мою сторону. Я внезапно почувствовала, что изъ женщины я превратилась въ сильнаго мужественнаго атлета.

Передъ этой ужасной борьбой тѣло мое натерли масломъ, и мы уже готовы были схватиться, когда внезапно ко мнѣ приблизился мужъ съ величественной осанкой.

Длинное пурпуровое одѣяніе, поддерживаемое бриллиантовой пряжкой, ниспадало у него до ногъ. Въ одной рукѣ у него былъ жезлъ, подобно распорядителямъ игрлицъ, а въ другой—зеленая вѣтвь, съ которой свѣшивались золотыя яблоки. При видѣ его всѣ смолкли, и онъ сказалъ: „Если египтянинъ одержитъ побѣду надъ женщиной, онъ пронзитъ ее своимъ мечомъ, если же женщина побѣдитъ египтянина, она получитъ вѣтвь и золотыя яблоки“. Сказавъ это, онъ удалился.

Я соединилась съ своимъ противникомъ, и начался жестокой бой. Онъ дѣлалъ всевозможныя усилія повергнуть меня на землю, но я помѣшала ему въ этомъ, нанеся ему нѣсколько ударовъ въ лицо. Тогда я вдругъ почувствовала себя вознесенной на воздухъ, откуда и поражала своего врага. Наконецъ, утомившись продолжительнымъ боемъ, я напрягла всѣ силы и, схвативъ египтянина, повалила его на песокъ и поставила ногу на его голову. При видѣ этого народъ разразился восторженными кликами, и гимны моихъ великодушныхъ защитниковъ соединились съ восторгомъ толпы. Я приблизилась къ дивному мужу, бывшему свидѣтелемъ моей побѣды, и попросила отдать мнѣ мою награду, которую онъ вручилъ мнѣ со словами: „Миръ съ тобою, дочь моя!“ Я вышла изъ амфитеатра. По пробужденіи я поняла, что буду сражаться не только съ дикими звѣрями, но съ демонами, и ободряла себя мыслью, что сонъ мой предвѣщаетъ мнѣ побѣду.

Я описала все, что случилось со мною до игрлицъ,—другой расскажетъ, можетъ быть, что произойдетъ потомъ“.

М. Г.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Святому Серафиму.



В дни тяжкихъ страданій съ глубокой тоской
Тебя призывалъ я, угодникъ святой,
Тебѣ я молился, заступникъ, о многомъ
И каляся горько предъ Господомъ Богомъ.
И что же, о чудо! Угодникъ святой
Склонилъ свое ухо къ молитвѣ простой,—
И снова надежда меня посѣтила,
И вѣра, какъ солнце, мнѣ жизнь освѣтила,
Я ожилъ нежданно... Такъ травка весной
На старой дорогѣ опушки лѣсной
Пробьется, окрѣпнетъ и смѣло растеть,
А смотришь на солнце—и ландышъ цвѣтеть,
И радостно тянется пчелка къ нему,
Чтобъ воскъ приготовить Творцу своему.

В. Платоновъ.



Помощь нуждающимся въ древнія времена христіанства.

(Окончаніе).

III.



ЛЯ полноты очерка положенія и состоянія благотворенія въ первые вѣка христіанства позволимъ себѣ въ общихъ чертахъ рассмотреть организацію тѣхъ изъ учрежденій, какія существовали у древнихъ христіанъ и какія исключительно были предназначаемы для оказанія помощи больнымъ и слабымъ.

Въ первые вѣка христіанства между учрежденіями благотворительности *больницы* принадлежали къ числу тѣхъ, которыя впервые были организованы заботами отцовъ церкви. По изслѣдованію проф. А. С. Лебедева Е. Сириитъ и св. Василій Великій принадлежали къ числу инициаторовъ, которые организовали лечебницы, каждую на 300 кроватей. Больница Е. Сирина была открыта около 375 года въ Эдессѣ. Въ эти годы въ мѣстности этой былъ голодъ, и послѣдствіемъ его была большая смертность среди мѣстнаго населенія. По всему вѣроятію, здѣсь господствовалъ голодный тифъ, и населеніе испытывало большую нужду въ медицинской помощи. Самая больница была содержима на добровольныя пожертвованія. Что касается до больницы св. Василія Великаго, то эта послѣдняя была предназначена для помѣщенія больныхъ проказою.

Необходимость устройства больницъ въ первые вѣка христіанства вызывалась, между прочимъ, тѣмъ, что съ ихъ устройствомъ остальное населеніе можетъ быть предохранено отъ возможности заболѣванія.

Значеніе больницъ, какъ учрежденій, могущихъ включать въ себѣ значительное число лицъ, нуждающихся въ однородной медицинской помощи, повидному, было по достоинству оцѣнено въ первые же вѣка христіанства, причѣмъ оцѣнка такая коснулась преимущественно тѣхъ экономическихъ удобствъ, какія являются естественнымъ послѣдствіемъ однородности

какъ ухода за больными, такъ и пользованія ими одними и тѣми же пособиями.

Если, одновременно съ распространеніемъ христіанства на западѣ Европы, повсемѣстно увеличиваются въ числѣ и самыя учрежденія благотворительности, то между этими послѣдними больницы занимаютъ также первое и главное мѣсто.

Повсюду учреждаемыя больницы носили наименованіе *Носокомій*. По характеру своего назначенія Носокомій представляли большое разнообразіе, и есть даже указаніе на существованіе въ древности особыхъ психиатрическихъ лечебницъ для оказанія помощи *душевно-больнымъ*. Фактъ этотъ интересенъ въ томъ отношеніи, что въ болѣе позднія времена душевно-больные помѣщались *не въ больницы, а въ тюрьмы*, или содержались дома, закованные въ цѣпи. Такимъ образомъ, первые вѣка христіанства обнаружили болѣе гуманности къ человѣчеству, чѣмъ среднія и даже позднія времена.

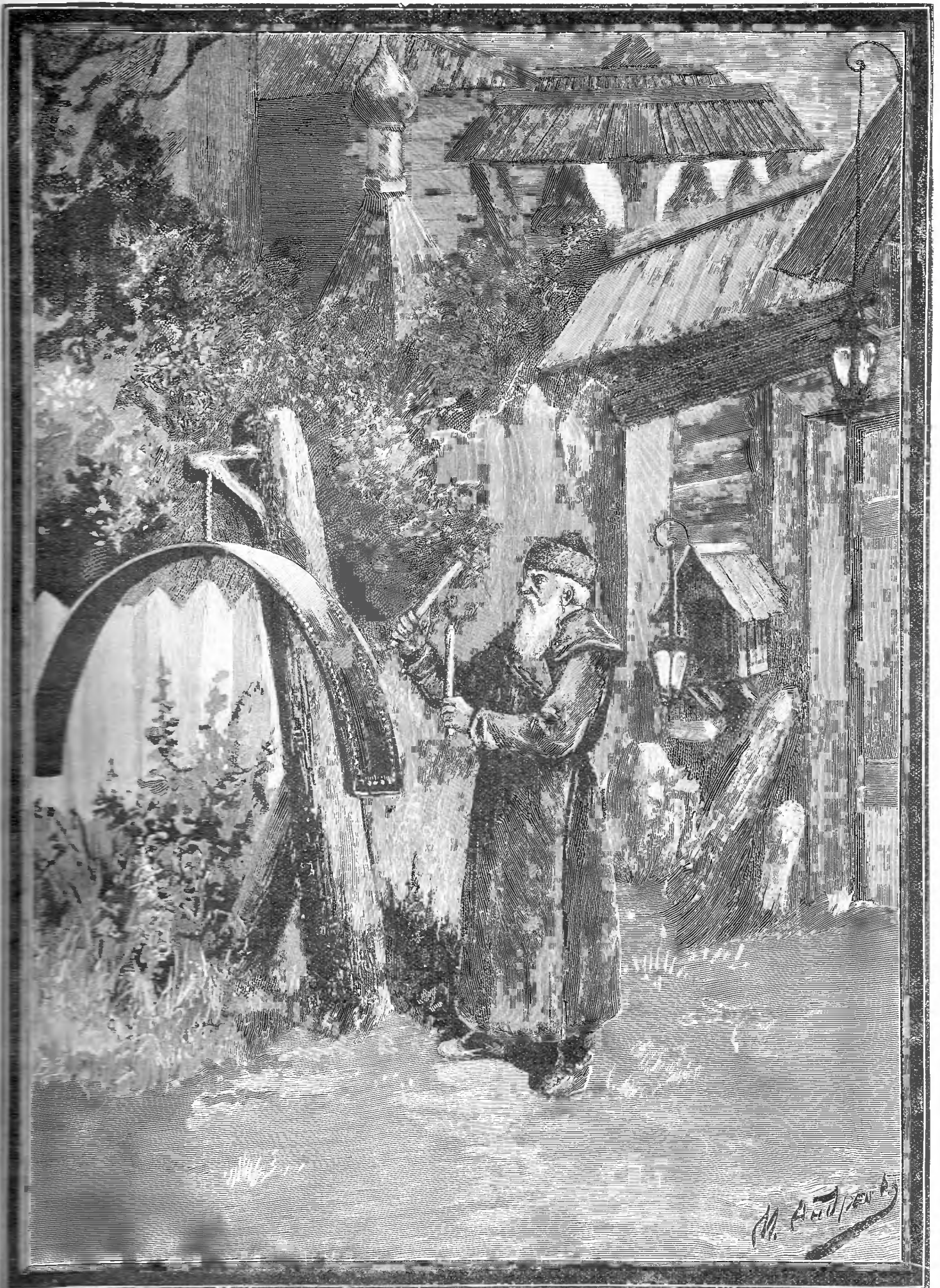
Независимо отъ больницъ, въ первые же вѣка христіанства были организуемы въ различныхъ мѣстностяхъ западной Европы богадѣльни, сиротскіе, вдовьи дома и т. п. учрежденія благотворительности.

Замѣчательно, что, съ учрежденіемъ больницъ, мы впервые встрѣчаемся съ тѣмъ симпатичнымъ учрежденіемъ, которое извѣстно подъ наименованіемъ „*сестеръ милосердія*“.

Преданіе гласитъ, что учредительницею одной изъ больницъ въ Римѣ были вдова Фабіола, происходившая отъ древняго рода Фабіевъ. Увлеченіе дѣломъ благотворенія со стороны Фабіолы было настолько сильно, что она не только за свой счетъ устроила и содержала больницу, но впервые установила начало личнаго служенія больнымъ. По сообщенію А. С. Лебедева, современные ей писатели утверждаютъ, что Фабіола не гнушалась переносить больныхъ на своихъ рукахъ, обмывала и перевязывала имъ раны, на которыя другія не рѣшались даже взглянуть. Вниманіе ея къ больнымъ отличалось такою материнскою нѣжностью и любовью, что, по замѣчанію блаженнаго Иеронима, бѣдные желали заболѣть, чтобы только поступить на ея попеченіе.

Въ седьмомъ же вѣкѣ наряду съ больницами мы встрѣчаемъ еще особыя заведенія для такъ называемыхъ „роженницъ“. Инициаторомъ въ устройствѣ таковыхъ домовъ считается патріархъ Александрійскій Іоаннъ Милостивый.

Въ восьмомъ же вѣкѣ появляются воспитательныя дома для дѣтей, брошенныхъ ихъ родителями. Впервые подобнаго рода благотворительныя учрежденія были устроены на Востокѣ Анфисою, дочерью Константина Копронима. Въ такое учрежденіе были принимаемы дѣти обоаго пола. Когда воспитанники достигали такого возраста, что могли уже заниматься какимъ-либо физическимъ трудомъ, то мальчиковъ вручали заботамъ стариковъ, которые обучали ихъ какимъ-либо



КАРИНЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ.—ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖЬ.
(Рисунокъ М. Андреева).

ремесламъ; дѣвочекъ же отсылали въ монастыри гдѣ монахини обучали ихъ различнымъ рукодѣліямъ и затѣмъ изыскивали имъ какія-либо постоянныя мѣста занятій.

Этого краткаго перечня учрежденій благотворительности, существовавшихъ въ первые вѣка христіанства, совершенно достаточно, чтобы признать, какую важную и серьезную роль играла христіанская церковь въ дѣлѣ оказанія помощи „ближнему“.

Подобную помощь церковь оказываетъ и въ данное время, но далеко не въ той степени, какъ то было въ первые вѣка христіанства, и это понятно, почему: съ развитіемъ духовныхъ и нравственныхъ силъ общества заботы объ удовлетвореніи нуждъ и потребностей больныхъ и немощныхъ перешли къ обязанностямъ самаго общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ благотвореніе, потерявъ свои основы въ чувствахъ любви къ страждущему человѣчеству, стало получать нныя оправданія для своего проявленія. **Ив. Ос. Фесенко.**

Попъ Ангелка.

(Изъ болгарскихъ воспоминаній).

(Окончаніе).

А всѣ мои вопросы по поводу лекарствъ Ангелка сконфуженно улыбался.

— Чего тамъ, господине! Развѣ я докторъ! Какъ, что знаю, помогаю людямъ. Пустякъ!

Этотъ скромный, простой, неказистый человѣкъ, такъ оказывалось, былъ способенъ на геройскіе подвиги. Самъ онъ, конечно, ни за что не сказалъ бы объ этомъ, но я случайно слышалъ это отъ сосѣдей.

Задолго до русско-турецкой войны, когда о. Ангелъ былъ священникомъ въ какомъ-то селѣ, шайка башнибузуковъ налетѣла однажды на это селеніе. Турецкія власти, по обыкновенію, бездѣйствовали. Башнибузуки разграбили домъ одного изъ зажиточныхъ сельчанъ, и такъ какъ болгаринъ оказалъ сопротивление разбойникамъ, они хотѣли убить его.

Несчастный, вмѣстѣ съ семьей, убѣжалъ изъ дома и садами и огородами добрался до дома о. Ангела, который спряталъ ихъ всѣхъ въ подпольѣ.

Съ крикомъ и шумомъ набросились башнибузуки на священника, требуя выдачи болгарина, грозили ему даже хотѣли пытать. Одинъ изъ нихъ нанесъ отцу Ангелу довольно серьезную рану въ плечо. Спокойно выдалъ своей участи бѣдный священникъ и кротко просилъ грабителей пощадить сельчанъ.

— Чтожъ, убейте, а сказать мнѣ нечего. Никого я не скрываю. Смерть бываетъ одинъ разъ, я готовъ. За что вы насъ обидѣли? Утишите сердце свое и разъякайте съ Богомъ! Не трогайте всѣхъ насъ!

Повліяла ли на башнибузуковъ эта смѣлость простого „попа“, или ихъ отвлекло что-либо другое, но они ограничились тѣмъ, что забрали все, что было пожитниче въ домѣ священника, и уѣхали.

— Плечо не болитъ у васъ теперь, о. Ангелъ?— спросилъ я его однажды. — Помните, которое вамъ башнибузуки ранили, когда вы спасли болгарина?

— Ахъ, господине, ты ужъ знаешь! Болѣло плечо, правда, а теперь только къ дождю болитъ. Чтожъ, я ничего тогда не могъ хорошаго сдѣлать. Неученый я, простой. Надо бы говорить, какъ подобаешь служителю церкви, а я не умѣю. И смерть не страшна въ такомъ дѣлѣ, а я не съумѣлъ и умереть.

Я никогда не слыхалъ, чтобы о. Ангелъ сердился или порицалъ кого-нибудь или быть угрюмъ и надуть. Несмотря на тяжелую работу, съ утра до вечера, онъ постоянно улыбался своей тихой ласковой улыбкой. Впрочемъ, одинъ разъ онъ очень серьезно увѣщевалъ моего слугу Недѣлько, который имѣлъ привычку таскать у меня кое-что изъ съѣстнаго. Это былъ красивый пятнадцатилѣтній болгаринъ, неглупый и плутоватый. Я любилъ его за проворство, за красоту и прощалъ ему многое. Однажды о. Ангелъ засталъ Недѣлько на мѣстѣ преступленія и отчиталъ его; такъ какъ онъ говорилъ на болгарскомъ языкѣ, то я понять не все, но видѣлъ, что Недѣлько горько плакалъ. На всю жизнь осталось у меня въ памяти одно утро. Я вставалъ обыкновенно рано, и къ этому времени Недѣлько приготавливалъ мнѣ корзиночку винограда, которую я съѣдалъ натошакъ. Три фунта винограда (око) стоило тогда въ Софій 3 коп. на русскія деньги.

Въ это утро я рано вышелъ на дворъ, съ наслажденіемъ вдыхая чистый, ароматный воздухъ. Изъ сосѣдняго сада пахло какимъ-то цвѣтами. Большіе, красные цвѣты на грядкѣ Марьцы, за которыми она усердно ухаживала, не пускали особый, одуряющій ароматъ. День былъ праздничный. О. Ангелъ сидѣлъ во дворѣ на скамейкѣ, подъ большимъ деревомъ, на которомъ росли какіе-то особые орѣхи-двойчатки, очень вкусные, нѣсколько похожіе видомъ на наши фисташки. Солнце ярко свѣтило на безоблачномъ небѣ.

— Здравъ буди!—привѣтствовалъ меня, о. Ангелъ и добавилъ:—а дождь будетъ сегодня! Большой дождь!

Я уже убѣдился на опытѣ, что о. Ангелъ отлично умѣетъ узнавать погоду, по облакамъ, по цвѣту неба, по вѣтру.

— Почему?

— Надъ Витошью облако стоитъ! Значить, къ вечеру дождь будетъ!

Витошь это—гора, возвышавшаяся близъ Софій. Спя на скамейкѣ, я видѣлъ вдали эту гору, надъ которой висѣло легкое облачко.

Въ это ясное утро мы долго бесѣдовали съ о. Ангеломъ объ всемъ, что приходило въ голову, и я былъ пораженъ его проицательностью, его чуткостью.

Какъ просто и мѣтко охарактеризовалъ онъ болгарскихъ министровъ той эпохи: Цанкова, Каравелова, Стоянова! И не ошибся ни на іоту!

Пока мы продолжали разговоръ, уже выйдя за ворота, по улицѣ быстро понеслась коляска болгарскаго

твора Александра Баттенбергскаго. Весело улыбаясь, отвѣчать отъ наші поклоны. Съ нимъ рядомъ сидѣлъ его адъютантъ П., бѣлокурый, изящный красавецъ.

— Ну, какъ вашъ князь?—спросилъ я, когда конница пронеслась мимо.

— Князь-то хорошъ, да не для насъ,—тихо прошепталъ о. Ангелъ. — намъ надо бы русскаго, православнаго! Отъ лучше бы понялъ насъ, забитую болгарскую душу! Вотъ говорятъ, „братушки болгары“ худые люди, лѣтвине, продажные! Легко говорить, а понять нѣтъ. Вѣзали выколачивали изъ насъ турки душу жижу! И остались негодныя отрепья! Не мы виноваты! Освободили насъ, учить надо да душу лечить! Что-жь вы еще-то слѣдуетъ? Привыкли гнутьея да хитрить передъ турками! Мы отъ Руси и свободы, и свѣта хотимъ! Вѣрять и ждемъ!

Говоря это тихимъ, прониновеннымъ голосомъ, о. Ангелъ, по обыкновенію, покачивалъ головой.

— Неболѣлось сердце господине, глядя на родину! Вспомнилъ у насъ! Но знаю я.. сердцемъ знаю, что всего еще будетъ: и горя, и скорби, и слезъ! Будутъ у насъ иносказанья правды, будутъ угнетать насъ... а болгарскій народъ всей душой Руси прилежитъ... Пройдетъ время, проблещетъ солнце, и отдохнетъ болгарскій народъ.

Какъ сейчасъ помню я это ясное, сіяющее утро, безоблачно-яркое небо, гору Витошу, повитую утренней дымкой, залитый солнцемъ дворъ, яркіе цвѣты на террасѣ Марены и рядомъ со мной шедшую фигурку о. Ангела въ обычномъ бѣломъ балахонѣ, съ сіяющими добрыми глазами на некрасивомъ лицѣ! И словно магическую его словамъ, изъ дома зазвучала унылая гѣска Марены.

«Да бы знали гѣска мило»
«Бала-то на ту серце...»

Тотъ же день велелось до насъ съ колокола православной церкви въ Софію... А я сидѣлъ, какъ зачарованный я стоялъ глупымъ утромъ, и звономъ колоколовъ, и пронзительной рѣчью о. Ангела.

Гдѣ же теперь, что съ нами стало? Не знаю, но часто думаю себѣ вопросъ: кто ближе къ Богу, кто ближе къ животу Христа—этотъ ли неученый необразованный священникъ въ своей простотѣ, съ своей великой силой и беззаветной любовью къ людямъ, или то духовное лицо, которое кичится орденами и проповѣдуетъ и марившее свое сердце отъ всѣхъ тѣхъ, кому „до ума страданье задано!“

В. К.

Свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ.

Сумерки окутали деревню, но въ ней, тьмѣ не жутко, замѣтно какое-то небывальное волненіе: мужики и бабы стоятъ на улицѣ и о чемъ-то оживленно спорятъ. Глаза всѣхъ обращены въ одну сторону—кого-то ждутъ. Сумерки густѣютъ, и ночь ветулетъ въ свои права. Наконецъ, въ той сторонѣ де-

ревни, куда обращены были глаза всѣхъ, зазвенѣлъ колокольчикъ.

— Ёдетъ! Ёдетъ!—закричали ребята, которые тутъ же вертятся, около своихъ отцовъ.

— Чего кричите; и вчера такъ кричали, а вишь, не приѣхалъ... И всегда-то тамъ дѣла, никогда его не вызовешь... — раздаются нѣсколько недовольныхъ голосовъ.

Мимо кучки мужиковъ тихо промчалась лучшая изъ деревни пара спивыхъ коней и привезла давножданнаго гостя—батюшку. Батюшка заѣхалъ къ самому богатому дому, который принадлежалъ раскольникъ.

Мужики со всѣхъ концовъ деревни поспѣшили туда, по дорогѣ съ радостью сообщая другъ другу:

— Приѣхалъ и прямо къ Паптелѣву, — такъ была фамилія раскольника.

Между тѣмъ о. Параріонъ, такъ звали батюшку, вошелъ въ избу, раздѣлся, большимъ крестомъ осѣнилъ себя трижды и, низко кланаясь, обратился къ присутствующимъ:

— Миръ вамъ, братцы, давно вы зовете меня, да все дѣла поприходу...

— Милости просимъ,—сказалъ бѣлый, какъ лунь, раскольникъ,—давненько поджидаемъ, ну, слава Богу, теперь ты намъ все расскажешь по правдѣ, а то больно много толковъ-то кругомъ, нѣда робость беретъ, только и слышно, что тамъ бьютъ, а тамъ жгутъ, а какъ, за что—не знаемъ и въ толкъ себѣ никакъ не возьмемъ...

Батюшка прошелъ и сѣлъ подъ образа за столъ. Бабы и мужики въ это время стали устанавливать вокругъ стола скамьи, на которыя и сядились собиравшіеся мужики. Наконецъ, все утихло. Дверь уже больше не отворялась: всѣ собрались. Батюшка ласковымъ взглядомъ окинулъ собраніе и тихо, но внятно и раздѣльно, заговорилъ:

— Свою рѣчь ко всѣмъ вамъ начну со словъ ап. Павла: „Другъ друга тяготы носите и тако исполните законъ Христовъ“. Вотъ что нужно намъ теперь всѣмъ помнить. Теперь началась для насъ новая жизнь. Съ высоты царскаго престола дарована намъ свобода: свобода личности, свобода совѣсти, слова и союзовъ. Только благодаря этому дару Царя и можно на землѣ создать царство Божіе, только теперь безбоязненно и беззавѣтно можно отдаться служенію ближнему. Прежняя жизнь, когда люди дѣлали не по влеченію сердца, а по приказанію начальниковъ, часто злыхъ и несправедливыхъ, эта жизнь кончена, отъ нея остались только одни страшныя раны, которыя мы и должны залѣчить.

Великій даръ свобода—дорогой даръ, онъ купленъ цѣной крови тысячи людей. Мысль просить свободу русскому народу, забавить русскій народъ отъ произвола и гнета, который жестоко давилъ насъ, мѣшала намъ творить дѣло Божіе на землѣ, давно занимала русскихъ людей, обладающихъ честнымъ сердцемъ. Люди, чуткіе сердцемъ, давно скорбѣли объ русскомъ сѣромъ мужикѣ, они давно страдали за тѣ раны, за

то униженіе, которое нанесли ему сначала помѣщики, а потомъ начальники, удерживая его умъ въ темнотѣ, его тѣло въ грязи и голодѣ... Эти люди давно хотѣли выхлопотать русскому народу свободу, избавить его отъ униженнаго положенія. Сколько этихъ добрыхъ людей томилась и томятся въ тюрьмахъ, сколько ихъ погибло въ далекой Сибири! И это было дѣло враговъ мужика, которымъ выгодно было, чтобы онъ былъ въ темнотѣ, чтобы онъ работалъ на нихъ. Ихъ дѣло и тысячи смертей раскольниковъ, этихъ любителей древнихъ обрядовъ, дѣло ихъ и гоненіе на сектантовъ. этихъ свободныхъ искателей истины. Я не буду говорить теперь, правы ли раскольники и сектанты, но только спрошу: правы ли мы, православные, когда смѣемся надъ ними, правы ли мы, когда насмѣшками оскорбляемъ ихъ святые чувства?

Нѣтъ, други мои, я всегда думаю и думаю, что не по заповѣди Христа живемъ. Если раскольники и сектанты оставили насъ, если они чуждое возлюбили больше нашего, то не мы ли сами тому виновны? Не мы ли, исповѣдая истину словами, не являемъ ее въ жизни? Не мы ли, радуя за истину, сами ругаемся надъ ней? Не это ли оттолкнуло ихъ отъ насъ? Не это ли заставило ихъ искать истину въ странѣ чуждой, такъ какъ наша жизнь есть сплошная насмѣшка надъ истиной?

Мы, пастыри ваши, виноваты, конечно, больше всѣхъ, такъ какъ мы и сами гсворили одно, а дѣлали другое. Мы говорили, что Христова истина является „не въ препрѣтельныхъ словахъ человѣческой премудрости, а въ явленіи силы и духа“, а сами то и дѣло препирались съ сектантами и раскольниками... Я не хочу этимъ показать, что пастыри плохи, что они не достойны уваженія, нѣтъ, я только прошу васъ простить пастырей за то, что мы невольно, а иногда и страха ради, говорили не то, что думали, дѣлали не то, что проповѣдовали. Я вѣрю, что теперь пастыри встанутъ на должную высоту и явятъ истину Христову во всей ея красотѣ и величїи и любовью Христа согрѣютъ и тѣхъ, которые ушли отъ насъ, такъ какъ истина, являемая пастырями, сама привлечетъ такихъ...

Добрые люди выхлопотали намъ свободу, — такъ воспользуемся ей по-христіански: не будемъ тратить время на осужденіе старыхъ порядковъ, на порицаніе прежняго начальства, а, простивши виновныхъ, всѣбезъ различія — и бѣдные, и богатые, православные и неправославные — всѣ, взявшись дружно руками, высоко поднявши Крестъ Христовъ, этотъ символъ любви, будемъ устроить новую, полную Христовой любви, свѣтлую и святую жизнь...

Христосъ говорилъ: „Будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный совершенъ“. Онъ насъ призываетъ къ добровольному совершенствованію. Онъ хочетъ, чтобы мы сами желали устроить на землѣ царствіе Божіе, а Онъ будетъ помогать намъ въ этой работѣ. Поэтому мало того, что каждый въ отдѣльности будетъ совершенствоваться, такъ какъ отъ этого еще не будетъ на землѣ царствія Божія; нѣтъ, необходимо

заботиться и о другихъ, необходимо носить тяготы другъ друга, необходимо стараться, чтобы царствіе Божіе — этотъ миръ и радость о Духѣ Св., — которое будетъ наполнять наше сердце, согрѣло бы и сердце другихъ людей, умягчило бы его. Поэтому правило, которымъ мы руководились раньше: „Моя хата съ краю, я ничего не знаю“ должно быть забыто и замѣнено словами апостола: „Другъ друга тяготы носите“. Пусть не будетъ между нами различія, мы теперь не будемъ осуждать ни раскольниковъ, ни сектантовъ за ихъ вѣрованіе: въ этомъ и состоитъ свобода совѣсти. Пусть духъ человѣческой добровольно познаетъ истину, и истина освятитъ его и наставитъ его сама на путь правый.

Вотъ все, что я нашелъ нужнымъ сказать вамъ предъ началомъ работы, за которую мы беремся. А теперь я вамъ отвѣчу на тѣ вопросы, которые вы задали.

И долго о. Иларіонъ говорилъ и о забастовкѣ, выяснилъ ее пользу и тотъ экономическій вредъ, который она принесла, говорилъ и о студентахъ, о тѣхъ цѣляхъ, которыя они себѣ ставятъ, и о тѣхъ тяжелыхъ послѣдствіяхъ, которыя принесетъ современное движеніе, если оно не остановится. Много говорилъ о. Иларіонъ и о Думѣ, выяснялъ ее значеніе и въ концѣ своей рѣчи снова призвалъ къ любви и дружной совмѣстной работѣ на благо родины.

Долго затянулась бесѣда, и только въ два часа почи уѣхалъ о. Иларіонъ домой, и уѣхалъ съ великою радостью въ сердцѣ. Да и нельзя было не радоваться! Послѣ бесѣды православные подошли къ своему пастырю подѣ благословеніе, подошли и раскольники и просили батюшку благословить и ихъ.

— Если ты дѣйствительно, любишь насъ, — заявилъ хозяинъ, — то благослови и насъ и помолись за насъ. Богъ вѣдь одинъ и у насъ, и у васъ, и та любовь, которой ты согрѣлъ насъ, она дана тебѣ Богомъ истиннымъ.

Съ радостью благословилъ о. Иларіонъ всѣхъ раскольниковъ и трикратно, въ знакъ христіанской любви, облобызалъ ихъ. А православные съ удивленіемъ смотрѣли на это небывалое зрѣлище.

Народъ проводилъ своего батюшку, а онъ ѣхалъ и благодарилъ Бога и Царя.

„Да, — думалъ онъ, — только свобода духа внесетъ свѣтъ Христовъ въ міръ, только когда истина освободится отъ рамокъ указовъ и циркуляровъ, только тогда ея свѣтъ освѣтитъ міръ. Да, свѣтъ уже засвѣтилъ во тьмѣ“.

И дѣйствительно, съ этой бесѣды началась новая жизнь въ деревнѣ. Вражды между православными и раскольниками не осталось, и они дружно теперь работаютъ надъ приговоромъ, или точнѣе наказомъ, который впоследствии вручатъ депутату. На ихъ собранія ѣздитъ батюшка и помогаетъ имъ и часто слышитъ отъ мужиковъ спасибо за „свѣтъ, которымъ онъ освѣтилъ тьму деревни“.

Священникъ.

Несокрушимая вѣра.

ОГАТАЯ татарская юрта-кибитка. Стѣны увѣшаны коврами. Бархатныя, шитыя золотомъ подушки разбросаны по мягкому, устланному войлокомъ полу... Костеръ, разложенный посрединѣ юрты, слабо вспыхиваетъ, едва освѣщая сидящаго на подушкахъ въ раздумьи татарина да въ углубленіи юрты—мать, склонившуюся надъ ребенкомъ...

Тихо... Только изъ глубины кибитки несется едва слышная заунывная колыбельная пѣсня. Но, видно, мать не хочетъ нарушить думу суроваго мужа—князя Алей-Шнура.—пробкіе звуки ея пѣсни смѣшиваются съ заунывнымъ воемъ зимней вьюги, словно плачущей тамъ, за порогомъ юрты, на казанскихъ пустынныхъ степяхъ...

Съ утра въ раздумьи и гнѣвъ Алей-Шнуръ, къ вечеру болѣе уже вѣрные слуги подступать къ его шатру. Ввело въ раздумье князя повѣданіе его преданнаго слуги изъ русскихъ—Юанна. Показалось ему, что онъ отъ него уже давно въ услуженіе давно. Во время княжества за Русь Василия Ивановича на Нижній-Волгѣ и за Волгой тогда много русскихъ въ плѣнъ. Повели ихъ въ Казань, и тамъ ханъ казанскій раздалъ ихъ своимъ приближеннымъ. Если ханскіе баскаки и князья спорили изъ-за какой-нибудь, о томъ жребій метали.

И вотъ между плѣнными попался нѣкто Юаннъ, тихій, послушный, способный на всякую работу. Метали о немъ жребій—и достался бывший слуга казанскаго князя въ услуженіе близкому родственнику князю Алей-Шнуру. Скоро князь и вся его семья нахвалиться не могли новымъ слугой. Всегда внимательный, послушный, преданный искренно, онъ радовалъ Алей-Шнура. Жена князя нашла въ немъ даже друга. Бѣдная женщина, терпѣвшая много горя, какъ всѣ татарки, нашла сочувствіе у слуги, и близко, въ отсутствіе мужа, она рассказывала ему о своей тяжелой доли. Юаннъ привязался къ ребенку, и часто ублаживалъ его своими волжскими грустными пѣснями, и это еще болѣе сблизило Юанна и семью князя. Маленькій ребенокъ тоже весело мигалъ глазами, когда къ нему подходилъ русскій слуга...

Но было одно, что создавало пропасть между господами и слугой и что рано или поздно должно было разорвать ихъ связь: Юаннъ былъ христианинъ и не былъ склоненъ къ принятію магометанства... Днемъ Юаннъ проводилъ все время въ услугахъ по хозяйству, но когда спускалась на землю ночь и луна тихо всплывала надъ степями и оврагами казанскими,—Юаннъ шелъ куда-нибудь, уединился и вмѣсто ночного отдыха молился. А наступало утро—Юаннъ, преодолевая усталость, служилъ своему господину... Алей-Шнуръ старался уговорить своего слугу, призывалъ знаменитыхъ проповѣдниковъ-муллъ, но ничто не могло убѣдить Юанна переменить свою вѣру... И князь, искренно, за долгіе годы, полюбившій своего слугу, терпѣлъ, хоть и съ болью въ сердцѣ. Но вотъ вышелъ приказъ отъ хана—перекрестить всѣхъ русскихъ въ краѣ въ вѣру Магомета... Алей-Шнуръ призывалъ къ себѣ Юанна, убѣждалъ, даже просилъ, указывалъ на то, что онъ самъ не можетъ ослушаться ханскаго приказа,—но все было напрасно...



Освященіе мѣста для храма въ «Новыхъ Мѣстахъ» близъ ст. Гайцы. (Къ стр. 78).

Тогда разсвирѣпѣлъ князь, и загорѣлось злымъ чувствомъ къ слугѣ его сердце. Гордый татарскій вельможа не могъ представить себѣ, чтобы его могъ ослушаться какой-нибудь слуга, которому онъ же оказывалъ столько благодарностей... Алей-Шнуръ приказалъ отвести Юанна въ стоящую на краю стоянки юрту, гдѣ пытали всѣхъ провинившихся...

И вотъ съ утра, когда Юанна отвели туда, еще нѣтъ извѣстій... Мраченъ, невеселъ Алей-Шнуръ и, чуткіе къ настроенію своего господина, не тревожатъ его подчиненные, пригорюнилась и жена... И лишь вьюга съ силой бушуетъ на дворѣ... Вдругъ Алей-Шнуръ очнулся. Ему послышалось, что кто-то вошелъ въ кибитку и сталъ передъ нимъ. Поднялъ глаза—это стоялъ вѣрный Ахметъ, отправившійся съ Юанномъ... За порогомъ палатки виднѣлись еще фигуры.

— Ахметъ! Ну, что? Голосъ князя дрогнулъ, и видно было, какъ даже этотъ, прошедшій всю свою жизнь въ набѣгахъ и разбояхъ, татаринъ смогъ глубоко цѣнить преданность... — Свѣтлый, какъ мѣсяцъ на небѣ, Алей-Шнуръ!

— Ахметъ! Ну, что? Голосъ князя дрогнулъ, и видно было, какъ даже этотъ, прошедшій всю свою жизнь въ набѣгахъ и разбояхъ, татаринъ смогъ глубоко цѣнить преданность... — Свѣтлый, какъ мѣсяцъ на небѣ, Алей-Шнуръ!

— Ахметъ! Ну, что? Голосъ князя дрогнулъ, и видно было, какъ даже этотъ, прошедшій всю свою жизнь въ набѣгахъ и разбояхъ, татаринъ смогъ глубоко цѣнить преданность... — Свѣтлый, какъ мѣсяцъ на небѣ, Алей-Шнуръ!

— Ахметъ! Ну, что? Голосъ князя дрогнулъ, и видно было, какъ даже этотъ, прошедшій всю свою жизнь въ набѣгахъ и разбояхъ, татаринъ смогъ глубоко цѣнить преданность... — Свѣтлый, какъ мѣсяцъ на небѣ, Алей-Шнуръ!

Несокрушимая вѣра.

ОГАТАЯ татарская юрта-кибитка. Стѣны увѣшаны коврами. Бархатныя, шитыя золотомъ подушки разбросаны по мягкому, устланному войлокомъ полу... Костеръ, разложенный посрединѣ юрты, слабо вспыхиваетъ, едва освѣщая сидящаго на подушкахъ въ раздумьи татарина да въ углубленіи юрты—мать, склонившуюся надъ ребенкомъ...

Тихо... Только изъ глубины кибитки несется едва слышная заунывная колыбельная пѣсня. Но, видно, мать не могла нарушить думу суроваго мужа—князя Алей-Шнура.—пробкіе звуки ея пѣсни смѣшиваются съ заунывнымъ восемъ зимней выюги, словно плачущей тамъ, за порогомъ юрты, на казанскихъ пустынныхъ степяхъ...

Съ утра въ раздумьи и гнѣвъ Алей-Шнуръ, къ вечеру болѣе уже вѣрные слуги подступать къ его шатру. Ввело въ раздумье князя повѣданіе его преданнаго слуги изъ русскихъ—Юанна. Показалось ему, что онъ отъ него уже давно въ услуженіе давно. Во время княжества за Русь Василия Ивановича на Нижній-Волгѣ и за Волгой тогда много русскихъ въ плѣнъ. Повели ихъ въ Казань, и тамъ ханъ казанскій раздалъ ихъ своимъ приближеннымъ. Если ханскіе баскаки и князья спорили изъ-за какой-нибудь, о томъ жребій метали.

И вотъ между плѣнными попался нѣкто Юаннъ, тихій, послушный, способный на всякую работу. Метали о немъ жребій—и достался бывший слуга казанскаго князя въ услуженіе близкому родственнику князю Алей-Шнуру. Скоро князь и вся его семья нахвалиться не могли новымъ слугой. Всегда внимательный, послушный, преданный искренно, радовалъ Алей-Шнура. Жена князя нашла въ немъ даже друга. Бѣдная женщина, терпѣвшая много горя, какъ всѣ татарки, нашла сочувствіе у слуги, и близко, въ отсутствіе мужа, она рассказывала ему о своей тяжелой доли. Юаннъ привязался къ ребенку, и часто ублаживалъ его своими волжскими грустными пѣснями, и это еще болѣе сблизило Юанна и семью князя. Маленькій ребенокъ тоже весело мигалъ глазами, когда къ нему подходилъ русскій слуга...

Но было одно, что создавало пропасть между господами и слугой и что рано или поздно должно было разорвать ихъ связь: Юаннъ былъ христианинъ и не былъ склоненъ къ принятію магометанства... Днемъ Юаннъ проводилъ все время въ услугахъ по хозяйству, но когда спускалась на землю ночь и луна тихо всплывала надъ степями и оврагами казанскими,—Юаннъ шелъ куда-нибудь, уединился и вмѣсто ночного отдыха молился. А наступало утро—Юаннъ, преодолевая усталость, служилъ своему господину...

Алей-Шнуръ старался уговорить своего слугу, призывалъ знаменитыхъ проповѣдниковъ-муллъ, но ничто не могло убѣдить Юанна переменить свою вѣру... И князь, искренно, за долгіе годы, полюбившій своего

слугу, терпѣлъ, хоть и съ болью въ сердцѣ. Но вотъ вышелъ приказъ отъ хана—перекрестить всѣхъ русскихъ въ краѣ въ вѣру Магомета... Алей-Шнуръ призывалъ къ себѣ Юанна, убѣждалъ, даже просилъ, указывалъ на то, что онъ самъ не можетъ послушаться ханскаго приказа,—но все было напрасно...

Тогда развирѣлъ князь, и загорѣлось злымъ чувствомъ къ слугѣ его сердце. Гордый татарскій вельможа не

могъ представить себѣ, чтобы его могъ послушаться какой-нибудь слуга, которому онъ же оказывалъ столько благодарностей... Алей-Шнуръ приказалъ отвести Юанна въ стоящую на краю стоянки юрту, гдѣ пытали всѣхъ провинившихся...

И вотъ съ утра, когда Юанна отвели туда, еще нѣтъ извѣстій... Мраченъ, невеселъ Алей-Шнуръ и, чуткіе къ настроенію своего господина, не тревожатъ его подчиненные, пригорюнилась и жена... И лишь выюга съ силой бушуетъ на дворѣ...

Вдругъ Алей-Шнуръ очнулся. Ему послышалось, что кто-то вошелъ въ кибитку и сталъ передъ нимъ. Поднялъ глаза—это стоялъ вѣрный Ахметъ, отправившійся съ Юанномъ... За порогомъ палатки виднѣлись еще фигуры.

— Ахметъ! Ну, что?

Голосъ князя дрогнулъ, и видно было, какъ даже этотъ, прошедшій всю свою жизнь въ набѣгахъ и разбояхъ, татаринъ смогъ глубоко цѣнить преданность...

— Свѣтлый, какъ мѣсяцъ на небѣ, Алей-Шнуръ!—



Освященіе мѣста для храма въ «Новыхъ Мѣстахъ» близъ ст. Гайцы.
(Къ стр. 78).

началь съ замѣтной дрожью въ голосѣ Ахметъ. — Гяуръ Иванъ не сдастся. Мулла и теперь долго его увѣщивалъ, указывалъ на милости Аллаха къ нашему народу, на великаго пророка Магомета, на его чудный рай, на гурій, но гяуръ непоколебимъ. Мы цѣлый день провели въ уговорахъ и, какъ ты приказалъ, пытали...

— Ну, и что же говоритъ этотъ собака-христианинъ? — разъяреннымъ голосомъ закричалъ Алей-Шнуръ, у котораго упорство Іоанна вытравило послѣдніе слѣды хорошаго къ нему расположенія.

— Ясный Алей-Шнуръ, — заговорилъ Ахметъ сильно дрогнувшимъ голосомъ, — да не прогнѣваешься, господинъ. — я боюсь передать слова гяура. Они низведутъ гнѣвъ Аллаха на наше царство...

— Говори... Я повелѣваю тебѣ сдѣлать это...

— Гяуръ сказалъ: „Исусъ Христосъ, въ Котораго я вѣрю, Богъ, а вашъ Магометъ — негодный лжецъ“...

— Это онъ сказалъ, ты это подтверждаешь? — голосъ Алей-Шнура отъ бѣшенства сталъ страшно тихимъ, и, словно испугавшись этой тишины, заплакалъ ребенокъ, котораго напрасно успокаивала мать, да вѣтеръ съ новой силой завылъ за кибиткой...

— Отсѣчь ослушнику голову!.. Чтобы день, посласмый на землю Аллахомъ для правовѣрныхъ, не увидѣлъ живымъ эту собаку-христианина! — яростно вскричалъ затѣмъ Алей-Шнуръ, и когда Ахметъ, поклонившись, вышелъ изъ кибитки, онъ, сложивъ молитвенно руки, торжественно произнесъ: — великъ Аллахъ и Магометъ, пророкъ Его...

Этими словами князь хотѣлъ оправдать свое распоряженіе и успокоить тотъ голосъ, какой начиналъ звучать въ глубинѣ сердца...

Едва утро забрело надъ стенами и оврагами казанскихъ равнинъ, къ русскому кладбищу, гдѣ татары сбрасывали въ ямы безъ погребенія трупы христианъ, двигалось четверо людей. Трое изъ нихъ были татары: Ахметъ и его двое помощниковъ. Четвертый съ ними былъ Іоаннъ. Со связанными руками, онъ шелъ, понуривъ низко голову. Думы одна за другой проносились въ его головѣ.

Вспоминалъ онъ свое тихое дѣтство, обвѣянное благочестивыми молитвами, тепломъ родины, любви материнской. Вотъ онъ юноша — смѣлый, честный воинъ. И тогда онъ не забылъ о Богѣ. Молчалъ, примѣромъ служилъ для другихъ... Вотъ въ плѣну... И вспоминается Іоанну всегда одна картина: мѣсяцъ плыветъ по небу, лѣсъ шумитъ сдержанно, устало, а онъ, сложивъ молитвенно руки, уносится мыслями туда, къ небу...

— Ну, становись! — крикнули татары, когда черезъ холмъ подошли къ кладбищу.

Здѣсь уже виднѣлась наскоро вырытая могила. Татары дерзко сорвали верхнюю одежду съ мученика, но, не обращая вниманія на холодъ, онъ, ставъ на колѣни, и теперь, съ минуты на минуту ожидая смерти, лишь объ одномъ думалъ — о Богѣ...

Но не татарамъ пришлось класть въ могилу холодный трупъ Іоанна. Мечъ, занесенный надъ головой мученика, только скользнулъ по его шеѣ, сдѣлавъ на ней глубокую рану, но не отсѣкъ головы. Тогда въ порывѣ бѣшенства отъ неудачи, — которую они сочли дурнымъ предзнаменованіемъ, — Ахметъ и его товарищи изранили всего Іоанна и бросили его одного, чтобы онъ истекъ кровью, въ страшныхъ мученіяхъ.

Но по ихъ уходѣ Іоаннъ собралъ послѣднія силы и въ такомъ видѣ добрался до русскаго поселка, гдѣ, предавъ свой духъ, удостоился отъ своихъ русскихъ собратьевъ торжественнаго христианскаго погребенія...

Н. Терновъ.



Къ рисунку.

Новый поселокъ близъ С.-Петербурга.

Не такъ давно близъ ст. Тайцы Балт. ж. дор. былъ основанъ дачный поселокъ «Новыя Мѣста». Эти «Мѣста» являются совершенной противоположностью современнымъ дачнымъ поселкамъ, возникшимъ за послѣднее время около столицы. Рѣдкая для окрестностей Петербурга сухость почвы, обиліе ключевой воды и чистота воздуха дѣлаютъ «Новыя Мѣста» своего рода курортомъ, гдѣ можетъ спокойно поселиться каждый изъ петербуржцевъ, имѣющій возможность послѣ дневныхъ служебныхъ занятій отдохнуть «вдали отъ шума городского».

Въ настоящее время «Новыя Мѣста» застраиваются многочисленными дачами-домиками, разбиваются садки и огороды, а главное — строится храмъ. Къ сожалѣнію, эта постройка производится почти исключительно на послышныя жертвованія отъ лицъ, заинтересованныхъ благоустройствомъ прекраснаго дачнаго уголка, а притокъ этихъ пожертвованій очень незначителенъ...

Вслѣдъ за храмомъ предполагается постройка школы и больницы, чтобы поселокъ вполне принялъ видъ маленькаго городка-курорта, гдѣ обыватель можетъ найти все, чего потребуютъ его общежитійскія нужды. Добрые люди, желающіе оказать помощь вѣтъ этимъ полезнымъ начинаніямъ, могутъ направлять свои пожертвованія черезъ редакцію «Русскаго Паломника».

А. К—овъ.



Вѣсти и замѣтки.

◆ Сообщаютъ, что обширныя подготовительныя работы по созыву всероссійскаго церковнаго собора, происходящія подъ руководствомъ первенствующаго члена Святѣйшаго Синода петербургскаго митрополита Антонія, значительно подвинулись впередъ. По разнымъ вопросамъ, подлежащимъ обсужденію на церковномъ соборѣ, какъ рѣшено теперь, будутъ участвовать не только русскіе іерархи, но также представители блага духовенства и нѣкоторыя свѣтскія лица изъ профессоровъ и видныхъ церковно-общественныхъ дѣятелей. Отъ каждой изъ епархій будетъ по одному свѣтскому представителю. Воссточные патріархи еще не все высказались по вопросу о возстановленіи въ Россіи патріаршества и по другимъ предметамъ, предложеннымъ имъ для отзыва Св. Синодомъ. Церковный соборъ состоится не раньше осени текущаго года.

◆ Недавно въ особомъ совѣщаніи по дѣламъ вѣры былъ затронутъ очень важный вопросъ о брачномъ союзѣ православныхъ съ сектантами. Собственно вопросъ былъ поставленъ такъ: можетъ ли православный жениться на сектантѣ, не принадлежащей ни къ какой христианской религіи? Сенатъ разрѣшаетъ такіе браки на основаніи указа, но здѣсь встрѣчаются затрудненія: едва ли какой-либо священникъ согласится вѣчать православнаго съ хлыстовкой, іудействующей или духоборкой, т. е. принадлежащей къ такой сектѣ, которая не признаетъ таинства. Особое совѣщаніе признало, что наси-

...и въ обществѣ священника въ данномъ случаѣ никоимъ образомъ. Поэтому, не беря на себя окончательнаго рѣшенія этого вопроса, особое совѣщаніе по дѣламъ вѣры восстановило просить Св. Синодъ высказаться по данному вопросу.

◆ Какъ теперь выяснилось, по официальнымъ даннымъ, общія потери въ русско-японской войнѣ въ арміи и флотѣ выразилась въ 2500 офицерскихъ чиновъ и 110.000 нижнихъ чиновъ. Всѣхъ же жертвъ войны болѣе 365 тысячъ человѣкъ.

◆ Главное управленіе землеустройства и земледѣлія предпосылаетъ мѣстнымъ органамъ размѣры арендной платы за арендуемые статьи, сдаваемые крестьянамъ, определять по дѣйствительной стоимости, а не по мѣстнымъ цѣнамъ на землю, какъ это дѣлаютъ теперь. Если бы по мѣстнымъ условіямъ оказалось, что арендная плата крестьянамъ оброчная статья безусловно чужда имъ и въ настоящее время онъ не въ состояніи вносить исчисленную по дѣйствительной стоимости арендную плату, то допускается сдача имъ арендуемой земли по пониженнымъ цѣнамъ. Пониженіе это до 1/4 стоимости производится по опредѣленію губернскаго присутствія, дальнѣйшее же пониженіе до 1/2 стоимости требуетъ утвержденія главнаго управленія.

◆ Революціонное движеніе замѣтно ослабло. Вожаки революціи сами себя далеко не такъ много сторонниковъ, какъ представляли. Это, впрочемъ, можно было предвидѣть. Даже самъ бывшій царь. Гановъ говорилъ, что

„соціалъ-демократы, добываясь революціоннымъ путемъ своихъ свободъ и устраняя и поощряя забастовки по всякому поводу, делаютъ не только грубую, но и роковую для себя ошибку. Они недоумываютъ и выматываютъ рабочій народъ совершенно непромысливаемо и, если такъ пойдетъ дальше, то приведутъ весь рабочій классъ къ реакціи, которая задушитъ все освободительное движеніе.“

Это же утверждаютъ и другіе безспорные сторонники народнаго дела. Ява ли не преобладающее большинство современныхъ дѣятелей, близко знакомыхъ съ положеніемъ нашего народа, утверждаетъ, что крайнія партіи (радикалы, соціалъ-демократы и социалисты-революционеры) не встрѣтятъ себя поддержки уже потому, что приведеніе ихъ программъ потребовало бы крови и, въ концѣ концовъ, полной развалины республики. Кажется безспорно, что будущее—въ рукахъ умѣренно-конституціонной. Вотъ почему

необходимо немедленно всѣмъ русскимъ людямъ, серьезно желающимъ свободы и порядка, сплотиться дружно, забыть на время все личные счеты и заискиваніе популярности и образовать безпартийно-демократическій союзъ, въ который должны войти делегатами члены отъ всѣхъ нынѣшнихъ образований партій: конституціонно-демократической, правой, 17 октября, прогрессивной, экономическаго и другихъ, которыя сочувствуютъ введенію конституціи, а не демократической республики, каковая еще не существуетъ въ Россіи. Не время теперь спорить о деталяхъ каждой программы, не время критиковать и ругать растерявшееся правительство, а время для спасенія родины и государства помочь и поддержать это правительство, сплотившись вокругъ него, дабы удержать его отъ паденія въ сторону реакціи. („Слово“).

◆ Одна изъ петербургскихъ газетъ горько жалуется:

„Временной властью манифестъ 17-го октября не отмѣненъ, и конституціи онъ сохраняетъ свою силу; бюрократія же, давно отмѣняя манифестъ на дѣлѣ, въ послѣдніе дни открыто заявляетъ, что его болѣе не существуетъ... Разгромомъ древней столицы бюрократія воспользовалась, какъ и октябрьскими погромами, для новаго успиленія своей власти. Россію покрыли густой сѣтью генералъ-губернаторовъ, и если усиленнымъ бюрократіи уцѣлѣло самодержавіе, то единодержавію въ Россіи, повидимому, уже не существуетъ: каждый генералъ-губернаторъ въ своей деревнѣ независимъ владыка.“

Быва ли бы народные мятежи приняла такіе страшные размѣры и едва ли бы революціонеры нашли себя такъ много сторонниковъ въ крестьянствѣ и рабочей массѣ, если бы умѣренная часть населенія не смѣивалась въ искренности правительства.

◆ Недавно вышедшая новая газета «Воспный Голосъ», своего органа военнаго сословія, передаетъ, между прочимъ, слѣдующее интересное сообщеніе:

„Слѣдъ подавленія московскаго возстанія у адмирала Дубасова послѣдствіемъ о томъ, какое направленіе должно получить судъ надъ прокурорскаго надзора московской судебной палаты настаивалъ на томъ, чтобы дѣла эти были переданы на разсмотрѣніе военнаго суда. Слѣдствіемъ на совѣщаніи представитель военно-прокурорскаго надзора московскаго военно-окружнаго суда возразилъ, что если передать дѣла военному суду объясняется желаніемъ примѣнить

смертную казнь, то это можетъ сдѣлать и гражданскій судъ по уголовному уложенію. Тогда у прокурора палаты вырвалось восклицаніе: „Что же вы хотите, чтобы на насъ смотрѣли, какъ на палачей?“ Представитель военной прокуратуры на это отвѣтилъ такимъ же вопросомъ: „На какомъ же основаніи въ такой роли вынуждены выступать суды военные, которые къ разсмотрѣнію подобныхъ дѣлъ вовсе не приспособлены и имѣютъ свои совершенно особенныя задачи,—тѣмъ болѣе, что это ведетъ лишь къ сѣянью розни между населеніемъ и арміей?“ Пока было рѣшено оставить дѣла о московскихъ событіяхъ въ вѣдѣніи общегражданскаго суда.

Итакъ, самъ представитель военной юстиціи высказался, что военные суды «имѣютъ совершенно особыя задачи» или, что то же, практикуется тамъ, гдѣ ихъ не должно быть.

◆ По государственной росписи на 1905 годъ на содержаніе центральной администраціи русскаго флота было ассигновано 2.862,094 руб., а на содержаніе той же администраціи на 1906 годъ назначено... 2.816,839 р. *Итакъ, на адмираловъ не существующио — затопленнаго, разбитаго и частью соданаго въ плѣнъ японцамъ — флота ассигнуется почти 3 милліона.* На адмираловъ безъ кораблей, на адмираловъ, путешествующихъ „по-суху“. Приводя эти цифры, „Слово“ замѣчаетъ, что ничего подобнаго не могло бы случиться, если бы ассигновка была при конституціи, т. е. была сдѣлана съ согласія представителей народа. Гдѣ правительство считается съ волей народа, тамъ государственныя средства идутъ на дѣйствительныя нужды государства (центръ, опора и сила котораго—народъ), а не на прихоти высокопоставленныхъ и родовитыхъ персонъ. Вотъ почему всѣ радѣтели народнаго (и, значитъ, государственнаго) блага всегда стремились добиться народнаго представительства. Вотъ почему закрѣпленіе на Руси конституціоннаго правленія было бы, поистинѣ, величайшей милостію Промысла Божія къ русскому народу.

◆ За шумомъ политической борьбы не замѣтили новаго бѣдствія—чумы, между тѣмъ, по сообщ. «Нов. Вр.», эпидемія, тихо крадучись, подошла—и теперь уже владѣетъ территоріей въ 300 верстъ ширины и 500 верстъ длины. Вся такъ называемая Буковская орда (въ Астраханской губ.) охвачена ею, и люди въ отдаленныхъ мѣстностяхъ умираютъ отъ чумы десятками и даже сотнями. Чума тутъ будеть распространяться совершенно безпрепятственно, тѣмъ болѣе, что условія жизни кочевниковъ,—скученность населенія, грязь жилищъ,—вполнѣ благоприятствуютъ этому. Но вѣдь не нужно забывать, что такія же условія существуютъ и въ русскихъ деревняхъ, а между тѣмъ захваченная чумой Буковская орда не представляетъ собой чего-либо изолированнаго отъ остальнаго населенія. Она охвачена тѣснымъ кольцомъ густо населенныхъ русскихъ областей и уѣздовъ. Притомъ безпрепятственный вывозъ рыбы изъ этой мѣстности въ другія мѣста Россіи также можетъ оказаться союзникомъ бѣдствія...

◆ Въ печати неоднократно повторялись неточныя сообщенія о соединеніи нѣкоторыхъ политическихъ партій, причемъ давалось неправильное освѣщеніе ихъ совмѣстной дѣятельности, съ указаніемъ даже вымышленныхъ адресовъ для направленія пожертвованій. Въ виду этого слѣдующія семь партій: союзъ 17 октября, прогрессивная экономическая партія, партія правоваго порядка, всероссійскій торгово-промышленный союзъ, демократическій союзъ конституціонистовъ, союзъ мирнаго обновленія и лига скорѣйшаго созыва народныхъ представителей сообщаютъ, что онѣ объединились на нѣкоторое время для опредѣленныхъ цѣлей при полной, конечно, автономіи каждой партіи, выдѣливъ изъ своей среды соединенный комитетъ конституціонныхъ партій, какъ исполнительный органъ. Канцелярія комитета временно помѣщается въ С.-Петербургѣ, на Фонтанкѣ, д. 53, кв 11, гдѣ ежедневно съ 11 ч. утра до 6 ч. вечера принимаются пожертвованія и выдаются справки.

◆ Засѣданія Государственной Думы, созывъ которой предполагается около половины апрѣля текущаго года, будутъ происходить въ С.-Петербургѣ, въ зданіи Таврическаго дворца, который уже и приспособляется для этой цѣли.

№ 4 журнала „Русскій Паломникъ“ сланъ на городскую почту 24 января въ 12 ч. 30 м. дня, на городскую 26 января.

Издатель П. П. Сойкинъ. Редакторъ И. Д. Θεодоровскій.